ЗЛО У СТАНИЦЫ · КНИГА ВТОРАЯ

КЛЮЧ ОТ КУРГАНА



ЮРИЙ ЗОРКИЙ

Юрий Зоркий

Зло у станицы. Ключ от кургана

«Автор»
2026

Зоркий Ю.

Зло у станицы. Ключ от кургана / Ю. Зоркий — «Автор», 2026

Месяц Степан Головатый считался пропавшим без вести. А зимней ночью он сам вернулся с кургана: босой, по снегу, живой.Мать плачет от счастья, станица гудит, следователь из района задаёт вопросы, на которые нет ответов. И только младший брат Матвей замечает, что со Стёпой что-то не так. Брат не спит по ночам. Брат запирается и прячет глаза. А однажды утром Матвей видит у него под ногтями свежую землю.Стёпа вернулся не один.Двести лет назад у кургана поставили заставу двое братьев. Один из них так и не вышел из темноты, и теперь он хочет назад, в мир живых.Крещенские морозы, знахарка за старым кладбищем, ведьмин шабаш на окраине и старик-Сторож, который знает больше, чем говорит. У Матвея остаётся один вопрос: как достучаться до брата, если тот уже почти не помнит, кто он?Вторая книга серии «Зло у станицы»: казачья мистика, футбол и ММА, кубанская балачка и братья, которые своих не бросают.

© Зоркий Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. По ту сторону 6
Глава 1. Утро 9
Глава 2. Дома 12
Глава 3. Следователь 15
Глава 4. Земля под ногтями 18
Глава 5. Остап 20
Глава 6. Скаут 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Зло у станицы. Ключ от кургана

От автора

В книге звучит кубанская балачка, говор кубанских казаков. Его принесли на Кубань казаки-черноморцы больше двухсот лет назад, и в станицах и на хуторах на нём говорят до сих пор, особенно старики. Балачка — живая часть кубанской казачьей культуры, её речь и её память. Реплики на балачке я оставил так, как они звучат, но записал русскими буквами, а смысл всегда понятен из текста.

Когда над станицей завьюжит январская мгла

и в дом твой с мороза войдёт человек, как родной,

не верь ни глазам, ни улыбке его у стола:

бывает, что в братнем обличье приходит иной.
Под старым курганом обида лежит двести лет,

под обидой — любовь, что когда-то убита была.

И ключа к той двери ни в железе, ни в золоте нет,

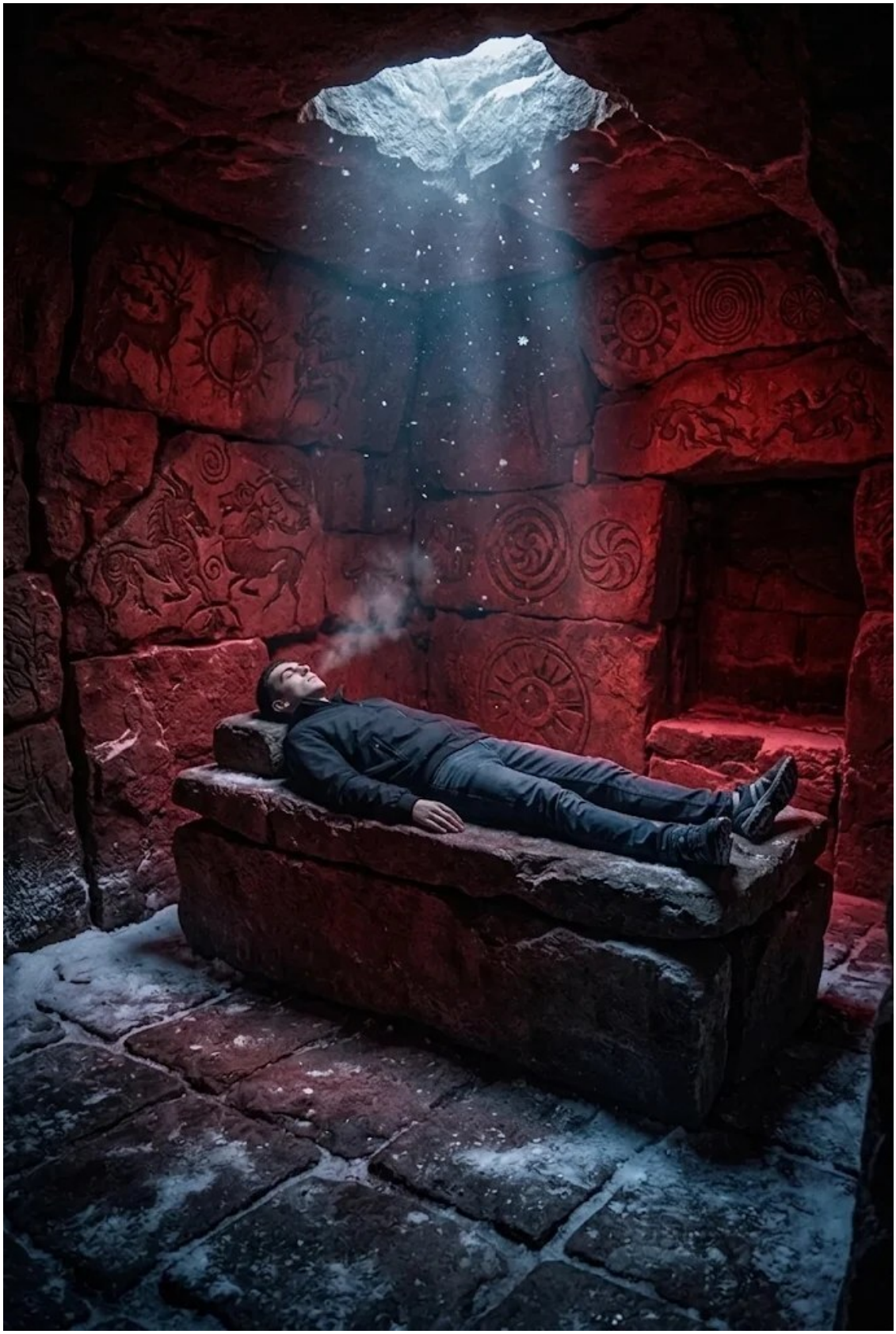
а есть только в сердце, где братская память жила.
Не верь, что ушедший во тьму не услышит зов,

не бросай его там, даже если надежды нет.

Кто за брата встаёт, тот сильнее любых засов,

и для двоих по крови всегда отыщется свет.
Из дедовой тетради

Пролог. По ту сторону



Сначала не было ничего.

Ни света, ни звука, ни холода. Ни верха, ни низа. Степан не знал, сколько это длилось. Время там, где он был, не шло. Оно стояло, как вода в заброшенном колодце.

Потом пришёл холод.

Каменный, мёртвый, пробирающий до костей. Степан лежал на спине на чём-то твёрдом и гладком. Над ним — темнота. Под ним — камень. По бокам — камень. Он поднял руку и упёрся ладонью в низкий каменный свод в ладони от лица.

Гробница.

Он попробовал вдохнуть — и не смог. Не потому что не было воздуха. Потому что грудь не поднималась. Он прижал ладонь к сердцу и долго ждал. Удара не было. Ни одного.

«Я мёртвый, — подумал он. Спокойно, почти равнодушно. — Значит, вот как это».

Но мёртвые не помнят. А он помнил.

* * *

Он помнил всё.

Не как воспоминания — как ожоги. Каждое мгновение, которое он провёл по ту сторону, было выжжено в нём, как клеймо.

Он видел. Всё это время он видел. Из темноты, сквозь землю, сквозь камень, сквозь стены родной хаты. Он был рядом каждую минуту — и его не было нигде.

Он видел, как тот, другой, в его куртке, с его лицом, сидит за его столом и пьёт чай из его кружки. И бабушка гладит чужака по голове. И мать целует чужака в щёку перед сменой. И Матюша смеётся с чужаком на крыльце.

Он кричал. Он кричал так, что, будь у него голос, лопнули бы стёкла во всей станице. Никто не слышал.

Он видел, как Матюша вспоминает. Видел его лицо в ту ночь на кургане, когда плёнка склеилась. Видел, как брат стоит один под ливнем, прижимая к лицу пустую куртку.

И потом — видел всё остальное.

Он не мог отвернуться. Там, где он был, нельзя было закрыть глаза. Нельзя было уйти. Нельзя было забыться. Можно было только смотреть. Каждый день. Каждую ночь. Как брат сжигает себя изнутри. Медленно. Упрямо. Как он всё делал в жизни.

Степан пытался дотянуться. Каждую ночь. Входил в его сны, стоял на кургане, звал. Но там, во сне, он не мог повернуться. Не мог сказать ни слова. Что-то держало его спиной к брату, как держит цепь. Он слышал, как Матюша кричит «Стёпа!», бежит по склону, и не мог обернуться.

Это было хуже смерти.

Намного хуже.

* * *

И ещё была мысль. Одна. Она грызла его всё это время сильнее, чем холод.

Это он виноват.

Не Матюша. Он.

Он старший. Он отвечал. «Я за тебя отвечаю, понял?» — его собственные слова, последние перед тишиной. Он должен был стащить брата с кургана в первый же раскат грома. За шиворот, силой, как щенка. Он должен был удержать его там, на вершине, когда холод полез в кровь. Он был сильнее. Тяжелее. Он прижал его к земле — и не удержал. Отпустил на секунду. На одну секунду.

И Матюша вывернулся. Как Степан сам его учил.

А теперь Матюша живёт с этим. Шестнадцатилетний пацан, который ещё вчера ныл, что ему не дают доесть вишнёвый пирожок, теперь носит в себе убийство брата. И будет носить всю жизнь.

Из-за него. Из-за Степана.

Если бы мёртвые могли плакать, он бы плакал. Но у мёртвых нет слёз. Есть только эта мысль. И темнота.

* * *

А потом что-то изменилось.

Сначала — звук. Где-то высоко, над каменным сводом, над толщей земли и снега, — шаги. Тяжёлые, быстрые, сбивчивые. Кто-то бежал вверх по склону, проваливаясь в снег, поскальзываясь, падая и поднимаясь.

Потом шаги остановились. Прямо над ним.

И Степан услышал плач.

Не тихий. Не сдержанный. Страшный. Так плачут маленькие дети, когда их бросили одних в темноте. Так плакал Матюша в два года, когда потерялся на ярмарке в райцентре, и Стёпа, восьмилетний, полчаса бегал между прилавками, пока не нашёл его под телегой с арбузами.

«Стёпа… Стёпа, где ты… Ты сказал — приходи… Я пришёл… Я пришёл, Стёпа… Где ты…»

Степан лежал в каменной темноте и слушал, как над ним, через двадцать метров земли и камня, плачет его брат.

И вдруг почувствовал в груди удар.

Один. Тяжёлый. Неуклюжий. Как будто кто-то толкнул изнутри давно застрявшую дверь.

Потом второй.

Потом третий.

Сердце.

Его сердце билось.

Степан вдохнул. Воздух был ледяным, затхлым, пах камнем и древностью — и это был самый прекрасный воздух в его жизни. Он вдохнул ещё раз. И ещё. Лёгкие горели. Глаза жгло.

По щекам потекло горячее.

Слёзы.

У мёртвых нет слёз.

Значит…

На его ноге, от щиколотки до колена, медленно, одна за другой, загорались тонкие голубые линии. Знак молнии. Он оживал вместе с ним.

Степан упёрся обеими ладонями в каменный свод над собой. Камень был древний, тяжёлый, неподъёмный.

Наверху плакал его брат.

Степан стиснул зубы и толкнул.

Глава 1. Утро

На вершине никого не было.

Матвей стоял у каменной плиты, задыхаясь, и смотрел по сторонам. Снег. Звёзды. Тёмная степь до самого горизонта. Знаки на плите светились — слабо, едва-едва, как угли в остывающей печи. Больше ничего.

— Стёпа!

Голос улетел в морозную тишину и не вернулся.

— Стёпа! Ты сказал — приходи! Я пришёл! Слышишь? Я пришёл!

Он обежал вершину. Заглянул за плиту. Разгрёб руками снег там, где месяц назад лежала пустая куртка. Ничего. Только чёрное стекло под снегом, холодное и гладкое.

Знак на его руке медленно гас.

И Матвей понял. Сон был просто сном. Голос — просто голосом в его больной голове. Врач в райцентре был прав. Горе. Депрессия. Нужно время.

Он убил брата. Брат мёртв. Никто его не звал.

Матвей опустился на колени у плиты. Потом лёг на бок, прямо на снег, на то место, где когда-то лежал Стёпа. Прижался щекой к холодному стеклу.

И заплакал.

Не так, как плакал раньше — ночами, тихо, в подушку, чтобы не слышала мать. По-другому. Так, будто внутри прорвало плотину, которую он строил полтора месяца. Он выл в голос, кричал, бил кулаком по мёрзлой земле. Звал брата. Просил прощения. Проклинал себя, курган, Сторожа, молнию, тот проклятый десятый подъём.

«Стёпа… Стёпа, где ты… Ты сказал — приходи… Я пришёл… Я пришёл, Стёпа… Где ты…»

Он не помнил, когда перестал. Просто в какой-то момент слёз больше не осталось. Голос сел до хрипа. Тело перестало дрожать от холода — стало всё равно.

Он лежал на снегу, смотрел на звёзды и думал: если я сейчас усну, я не проснусь. Мороз минус пятнадцать. Утром найдут.

Он думал об этом спокойно. Без страха.

А потом подумал о матери. О том, как она будет стоять у второй могилы.

Надо встать. Надо идти домой.

Он не встал. Глаза закрылись сами.

* * *

— Вставай, хлопче. Замёрзнешь.

Кто-то тряс его за плечо. Матвей с трудом разлепил глаза. Ресницы смёрзлись. Небо над ним было уже не чёрным — бледно-розовым, рассветным.

Над ним стоял Сторож.

Матвей рванулся, хотел вскочить, но окоченевшее тело не слушалось. Он смог только приподняться на локте.

— Вы… — прохрипел он. — Уйдите. Уйдите, или я…

— Или ты что? — спокойно спросил Сторож. — Убьёшь меня? Не выйдет, хлопче. Меня двести лет никто убить не может.

Он присел рядом на корточки. Плащ на нём был сухой, хотя кругом лежал снег. Глаза — слишком ясные, слишком молодые на изрезанном морщинами лице — смотрели на Матвея внимательно.

И впервые за всё время Матвей увидел в них что-то, похожее на жалость.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Сторож. — Правильно делаешь. Я бы на твоём месте тоже ненавидел. Я своего Сторожа ненавидел сорок лет. Пока сам им не стал.

— Я не хочу вас слушать.

— А ты и не слушай. — Сторож встал и отошёл в сторону. — Ты смотри.

Он повернулся к плите.

Матвей посмотрел туда же.

Каменная плита на вершине кургана — та самая, вросшая в землю задолго до того, как на Кубань пришли казаки, — дрожала.

По ней бежали трещины. Тонкие, тёмные, разветвлённые, как молния. Знаки в бороздках вспыхнули голубым — ярко, ослепительно. Снег вокруг плиты таял, шипел, поднимался паром. Из-под земли донёсся глухой, тяжёлый звук. Как будто кто-то бил изнутри. Раз. Ещё раз.

Плита раскололась пополам.

Одна половина съехала в сторону, вздымая облако снега и пара. Под ней открылась чёрная дыра. Каменные ступени, уходящие вниз, в темноту.

И по этим ступеням кто-то поднимался.

Медленно. Тяжело. Останавливаясь на каждом шаге. Опираясь рукой о каменную стену.

Матвей смотрел на чёрный провал и не дышал.

Из темноты показалась рука. Человеческая рука, бледная, с ободранными до крови пальцами. Потом плечо. Потом голова — спутанные, слипшиеся волосы, покрытые каменной пылью.

Потом лицо.

С ссадиной на скуле, которую он заработал в августе на тренировке.

С криво подстриженной чёлкой, потому что стригла бабушка.

Стёпино лицо. Мокрое от слёз.

* * *

Матвей не помнил, как встал. Как ноги, которые минуту назад не держали, донесли его до провала.

Он остановился в шаге.

Степан стоял на верхней ступеньке, держась за край расколотой плиты. Дрожал. Весь — с головы до ног. В той же футболке, в которой поднимался на курган в первую грозу, разорванной, покрытой бурыми пятнами. Босой на снегу.

Он смотрел на Матвея. И плакал. Не стыдясь, не вытирая слёз. Так, как Матвей никогда в жизни не видел, чтобы плакал старший брат. Даже на похоронах деда.

Матвей не мог пошевелиться. Не мог поверить. Он уже один раз поверил. Он уже месяц жил с тем, кто носил это лицо.

— Докажи, — выдавил он. Голос сорвался. — Докажи, что это ты.

Степан смотрел на него, и губы его дрожали.

Потом он сказал. Хрипло, сорванным, непослушным голосом, будто вспоминал, как говорить:

— Бабка, прячь пирожки — волк пришёл!

И Матвей рассмеялся.

Сквозь слёзы, сквозь хрип, захлёбываясь. Дурацкая фраза. Глупая, бессмысленная, детская. Стёпа орал её каждый раз, когда «волк» выскакивал из кустов, а маленький Матвей хохотал до икоты. Никто, кроме них двоих, не понимал, почему это смешно.

Тот, другой, её не помнил.

А этот — помнил.

Матвей шагнул вперёд и врезался в брата, обхватив его так, что оба чуть не скатились обратно в провал. Стёпа был ледяной, как камень. И живой. Под ухом Матвея, сквозь рваную футболку, билось сердце. Неровно, сбивчиво, тяжело. Но билось.

— Прости, — шептал Матвей ему в плечо. — Прости меня. Прости. Прости. Прости…

— Нет, — сказал Степан. Он держал брата так крепко, что у Матвея хрустели рёбра. — Нет, Матюша. Это ты меня прости. Это я не удержал. Я старший. Я должен был…

— Я тебя убил!

— Я тебя отпустил!

Они стояли на вершине кургана, вцепившись друг в друга, двое мокрых, грязных, замёрзших, рыдающих в голос, и каждый просил прощения у другого. И солнце поднималось над степью, заливая снег розовым и золотым.

* * *

Сторож стоял в стороне и смотрел.

Матвей заметил его не сразу. А когда заметил — отпустил брата и шагнул к старику, сжав кулаки. Знак на его руке горел снова, ярко, как в первую ночь.

— Вы, — сказал он. — Вы всё это… Вы знали, что он живой. Вы знали всё это время. И смотрели, как я… как мама… Вы смеялись!

Сторож не отступил. Смотрел спокойно.

— Знал, — сказал он. — Смотрел.

— Зачем?! — заорал Матвей. — Зачем?!

Степан взял его за плечо. Мягко, но крепко. Как раньше. Как всегда.

— Матюш. Подожди.

Сторож долго молчал. Потом посмотрел на них обоих — на двух братьев, стоящих плечом к плечу на снегу. И что-то в его лице изменилось. Морщины будто стали глубже. Глаза — старше. Впервые он выглядел на свои двести с лишним лет.

— Затем, — сказал он тихо, — что я своего брата не вернул.

Он повернулся и пошёл к краю вершины. Остановился там, глядя на станицу внизу, на дымки из печных труб, на золотой купол церкви.

— Идите домой, хлопцы, — сказал он, не оборачиваясь. — Мать вас ждёт. Обоих. А поговорим потом. Нам с вами много о чём говорить.

И исчез. Как всегда — просто перестал быть.

На снегу, там, где он стоял, не осталось следов.

А внизу, в Курганной, звонил колокол. Где-то хлопнула калитка. Залаяла собака — весело, звонко, по-утреннему.

Степан посмотрел вниз, на станицу. На родную хату у балки. На дымок из трубы — бабушка уже растопила печь.

— Мама, — сказал он. И голос его снова сорвался. — Матюш… Что мы маме скажем?

Матвей вытер лицо рукавом. Посмотрел на брата. На его босые ноги на снегу, на рваную футболку, на ободранные пальцы.

И впервые за полтора месяца улыбнулся.

— Что ты вернулся, — сказал он. — Остальное потом.

Он снял с себя Стёпину куртку — ту самую, с кургана, — и накинул брату на плечи.

И они пошли вниз. Вместе.

Глава 2. Дома

До хаты они шли полчаса. Обычно — десять минут.

Стёпа шёл медленно. Ноги слушались плохо, будто он заново учился ходить. Несколько раз останавливался, хватался за плечо брата, пережидал, пока пройдёт головокружение. Босые ступни оставляли на снегу красные следы — Матвей заметил это и снял с себя сапоги.

— Не дури, — сказал Стёпа. — Сам отморозишь.

— Надевай, — сказал Матвей. — Ты старший, тебе положено слушаться младшего. Раз в жизни.

Стёпа хмыкнул. Надел.

Матвей шёл рядом в одних носках по снегу и смотрел назад. На следы.

Две цепочки. Две.

Он смотрел на них всю дорогу.

* * *

У калитки Стёпа остановился.

Во дворе было тихо. Из трубы шёл дым. В окне кухни горел свет — бабушка встала затемно, как всегда. За занавеской мелькала её тень: от печки к столу, от стола к печке.

— Я не могу, — сказал Стёпа.

— Чего?

— Я не могу туда зайти, Матюш. — Голос у него дрогнул. — Я видел. Всё это время видел. Как она… как мама каждый вечер ставит мне тарелку. Как она по ночам… А я смотрел и не мог… — Он замолчал. — Что я ей скажу? Где я был? Как объясню?

Матвей взял его за руку.

— Ничего не говори, — сказал он. — Просто зайди.

Он открыл калитку.

* * *

Первой их увидела бабушка.

Она вышла на крыльцо с ведром — вылить золу. Подняла глаза. И ведро выпало у неё из рук. Зола рассыпалась по ступенькам серым облаком.

Бабушка не закричала. Не охнула. Она стояла и смотрела на старшего внука, и губы её шевелились. Матвей не сразу понял, что она молится.

Потом она спустилась с крыльца. Медленно, держась за перила, как будто боялась, что если пойдёт быстрее — он исчезнет. Подошла к Стёпе. Подняла руку и коснулась его лица. Лба. Щеки. Ссадины на скуле.

— Стёпка, — сказала она. — Стёпушка. Живой.

И только тогда заплакала.

Стёпа обнял её. Маленькую, круглую, в цветастом фартуке, перепачканном золой. Прижал к себе, уткнулся лицом в её седую макушку, и плечи его затряслись.

— Бабуля, — сказал он. — Бабуль. Прости.

Бабуля. Не Нина Павловна. Бабуля.

Матвей стоял рядом и вытирал глаза рукавом.

* * *

Мать спала после ночной смены. Бабушка хотела будить, но Стёпа не дал. Сам пошёл.

Матвей остался в коридоре. Видел, как брат стоит у двери материнской комнаты, взявшись за ручку. Минуту. Две. Не решаясь.

Потом открыл.

Матвей не видел, что было дальше. Только слышал.

Сначала тишину. Долгую.

Потом голос матери. Сонный, хриплый:

— Стёпа?..

Потом снова тишину.

А потом крик.

Такой, что у Матвея подогнулись колени и он сел на пол прямо в коридоре. Мать кричала — не словами, просто кричала, на одной ноте, так, как, наверное, кричат, когда рожают или когда хоронят. А потом крик оборвался, и Матвей услышал звук пощёчины. Звонкий, хлёсткий. И ещё одной.

— Где ты был?! Где ты был?! Где ты был?!

И после каждого «где» — удар. Не сильный. Беспомощный. Кулачками по груди.

А потом — рыдания. Её и его. Вместе.

Матвей сидел на полу в коридоре, прижавшись спиной к стене, и слушал, как плачут мать и брат. Бабушка вышла из кухни, села рядом с ним на пол, прямо в своём фартуке, и обняла его.

— Ты знал, — тихо сказала она. Не спросила — сказала. — Ты знал, шо он вернётся.

Матвей покачал головой.

— Не знал, бабуль. Думал — не вернётся. Никогда.

Бабушка долго молчала. Потом погладила его по голове.

— Явдоха говорила, — сказала она. — Говорила — живой. А я не верила. Старая дура.

* * *

Час спустя они сидели на кухне. Все четверо.

Мать не отпускала Стёпину руку. Держала, сжимала, гладила, как будто проверяла, настоящий ли. Глаза у неё были опухшие, красные, а лицо — молодое. Будто за этот час с неё сошли все полтора месяца.

Стёпа так ничего и не объяснил. Сказал — не помнит. Сказал — очнулся на кургане. Сказал — потом, мам, потом. Мать не настаивала. Она уже позвонила следователю, крикнула в трубку «Нашёлся! Живой! Сам пришёл!» и бросила телефон на стол, не дослушав.

Бабушка поставила на стол пирожки. С картошкой, с капустой, с вишней. Налила чай.

Стёпа взял сахарницу.

Раз.

Два.

Три.

Бабушка смотрела на это и улыбалась сквозь слёзы.

— Ну, теперь точно наш, — сказала она. — Теперь всё. Зубы себе испортишь, ирод.

Стёпа отхлебнул. Обжёгся. И выругался — длинно, сочно, от души, как ругался дед, когда у него не заводился мотоцикл.

Мать ахнула. Бабушка схватила полотенце и замахнулась на него.

А Матвей засмеялся. Так, что не мог остановиться. Смеялся, держась за живот, сползая со стула, задыхаясь. И брат смотрел на него — и тоже начал смеяться. А за ними — мать. А за ней — бабушка, сквозь слёзы, хлопая полотенцем по столу.

Они сидели на кухне и смеялись, как сумасшедшие. Впервые за полтора месяца.

Из-за печки донеслось довольное, сытое ворчание. Блюдце с молоком было пустым.

* * *

Ночью Матвей проснулся от того, что кто-то сидел на краю его кровати.

Он дёрнулся — и тут же расслабился. Стёпа.

Брат сидел в темноте, сгорбившись, смотрел в окно. На курган.

— Не спится? — шёпотом спросил Матвей.

— Боюсь, — честно сказал Стёпа. — Боюсь закрыть глаза. Вдруг опять — туда.

Матвей подвинулся. Стёпа лёг рядом, поверх одеяла, как в детстве, когда маленький Матвей боялся грозы и брат приходил к нему ночевать.

Они долго лежали молча.

— Матюш, — сказал наконец Стёпа. — Я тебе одну вещь скажу. Только ты не пугайся.

— Ну.

Стёпа помолчал.

— Там, по ту сторону… Я был не один.

Матвей повернулся к нему.

— В смысле?

— Там кто-то был. Всё время. В темноте. Я его не видел. Только чуял. Как он ходит вокруг. Как смотрит. Как ждёт. — Стёпа сглотнул. — Он со мной разговаривал, Матюш. Тихо так. Ласково. Обещал, что выпустит. Если я…

Он замолчал.

— Если ты что?

Стёпа не ответил. Только посмотрел на свою ногу, туда, где под одеялом светился знак молнии.

А за окном, на вершине кургана, у расколотой плиты, на секунду вспыхнул и погас тусклый красный огонёк. Как будто кто-то там, внизу, в темноте, открыл глаза.

Глава 3. Следователь

Следователь приехал на второй день, к обеду.

Тот же самый, из района. Капитан Бойко — грузный, лысеющий, с усталыми глазами человека, который за двадцать лет службы видел всё и ничему больше не удивлялся. Он сел на кухне, положил на стол папку, отказался от пирожков, потом всё-таки взял один, с капустой.

— Ну, Степан Андреевич, — сказал он, жуя. — Рассказывай. Где был полтора месяца?

Стёпа сидел напротив. Мать — рядом, держала его за руку под столом. Матвей стоял в дверях, прислонившись к косяку.

— Не помню, — сказал Стёпа.

— Совсем?

— Совсем. Помню грозу. Помню, как пошёл на курган. А потом очнулся там же. На вершине. Утром. Босой.

Бойко перестал жевать.

— Полтора месяца, — сказал он медленно, — на вершине кургана. Босой. В футболке. В декабре. И ни одного обморожения.

Стёпа промолчал.

Бойко посмотрел на его руки. На ободранные пальцы, на сбитые костяшки. Потом поднял глаза на Матвея в дверях. На его руки — тоже сбитые, ещё не зажившие.

— Вы подрались в ту ночь, — сказал он. Не спросил.

— Подрались, — сказал Стёпа.

— Из-за чего?

— Из-за ерунды. Братья.

Бойко долго смотрел на него. Потом закрыл папку.

— Значит, так, — сказал он. — Я тебе, Степан Андреевич, не верю. Ни единому слову. Ты не первый, кто у меня пропадает и возвращается. Обычно — запой. Или баба. Или долги. Или секта. Мне всё равно, где ты был. Живой — и слава богу. Дело закрываю.

Он встал. Повернулся к матери.

— А вы, Ольга Петровна, сына бы к врачу сводили. В райцентр. К психиатру. Потеря памяти — это не шутки.

У двери он остановился. Посмотрел на Матвея.

— А ты, боец, руки свои береги, — сказал он негромко. — Я твоё личное дело видел. Чемпион края по юниорам. Дурак будешь, если об брата их разобьёшь.

И ушёл.

* * *

Станица гудела.

Новость разнеслась за полдня: Головатый-старший вернулся. Сам. С кургана. Босой. Ничего не помнит.

К вечеру версий было штук десять.

Соседка тётя Валя говорила, что Стёпка сбежал с замужней в Краснодар, а муж его поймал и выгнал. Продавщица в магазине — что он лежал в наркологии в Армавире, а мать скрывает. Дед Мирон на лавочке у клуба клялся, что видел своими глазами: Стёпку забрали инопланетяне, огни над курганом в ту ночь были зелёные.

А старухи у церкви говорили тихо, оглядываясь:

— С кургана пришёл. Оттуда. Курган отпустил.

— Бабы старые болтали — с кургана не возвращаются.

— А этот вернулся.

— А тот ли вернулся?

И крестились.

* * *

Вечером к калитке пришли «Казаки».

Вся команда. Двенадцать пацанов, от восьми до двенадцати лет. В спортивных куртках, с красными от мороза носами. Впереди — Костик. С мячом.

Стёпа вышел на крыльцо.

Пацаны стояли и смотрели. Молча. Никто не решался заговорить. Как будто боялись — моргнут, и он исчезнет.

Потом Сашко Ковалёв, самый мелкий, восьмилетний, не выдержал. Сорвался с места, пролетел через двор и врезался Стёпе в живот, обхватив руками.

— Степан Андреич! — заорал он. — Вы вернулись! Я знал! Я им говорил, а они не верили!

И тут же — вся команда. Облепили со всех сторон, орали, перебивали друг друга, тянули за рукава. Стёпа стоял посреди этой кучи, растерянный, и не знал, кого обнимать первым.

Только Костик остался у калитки.

Матвей вышел на крыльцо вслед за братом. Встретился с Костиком глазами. Тот отвёл взгляд. Потёр плечо — то самое, которым ударился о забор.

Матвей спустился с крыльца. Подошёл к нему.

— Костик, — сказал он. — Ты прости меня. За тот раз. Я был… Я не в себе был.

Костик долго молчал. Шмыгал носом.

— Я понимаю, — сказал он наконец. — Ты думал, он не вернётся. А он вернулся.

Он протянул Матвею мяч. Старый, потёртый, с Стёпиной подписью маркером.

— Это его, — сказал Костик. — Я у калитки оставлял. Ты не взял. Пусть теперь он сам возьмёт.

Матвей взял мяч. Повертел в руках. Потом развернулся и бросил через двор.

— Стёп! Лови!

Стёпа обернулся — и поймал. Не руками. Грудью. Принял, опустил на колено, подбросил, поймал на подъём. Чеканил. Раз. Два. Пять. Десять.

Пацаны замолчали. Считали хором:

— Одиннадцать! Двенадцать! Тринадцать!

На двадцать первом Стёпа пробил. Мяч ушёл через забор в огород, в сугроб.

— Ну всё, — сказал Стёпа. Голос у него был сиплый. — В понедельник тренировка. В спортзале школы. Кто опоздает — десять кругов.

Пацаны заорали так, что у соседей залаяли все собаки.

* * *

Когда «Казаки» разошлись, Стёпа остался на крыльце. Сидел на ступеньке, курил — Матвей и не знал, что брат курит. Смотрел на курган.

Матвей сел рядом.

— Ты ему соврал, — сказал он. — Следователю.

— А ты бы что сказал? — Стёпа выпустил дым. — «Товарищ капитан, меня убил брат, а потом я полтора месяца лежал в гробнице под курганом, а вместо меня дома жил двухсотлетний казак»? Нас бы обоих в дурку увезли.

Матвей помолчал.

— Ты не врал раньше, — сказал он. — Никогда. Даже маме. Даже про двойки.

Стёпа не ответил.

Он докурил. Затушил сигарету о ступеньку. Посмотрел на свои руки — на ободранные пальцы.

Под ногтями была земля.

Чёрная, жирная, курганная. Набившаяся глубоко, до самого мяса.

Стёпа нахмурился. Он мыл руки. Час назад, перед ужином. С мылом. Щёткой.
Он быстро сунул руки в карманы.
— Пошли в дом, — сказал он. — Холодно.
Матвей ничего не заметил.
А вот Кузьмич за печкой той ночью к молоку не притронулся.

Глава 4. Земля под ногтями

Матвей проснулся от скрипа половицы.

Третья от порога. Та, что скрипела всегда, сколько он себя помнил. Дед обещал её перебить двадцать лет, так и не перебил.

Он открыл глаза. В комнате было темно. Часы на стене показывали без четверти три.

В коридоре кто-то шёл.

Медленно. Ровно. Не таясь — но и не торопясь. Шаг. Ещё шаг. Скрипнула дверь в сени. Потом хлопнула входная.

Матвей вскочил и подошёл к окну.

По двору, по белому снегу, под луной, шёл Стёпа.

В одних трусах и майке. Босиком.

Он шёл прямо, не оглядываясь, не ёжась от мороза. Руки висели вдоль тела. Голова чуть наклонена вперёд, как у человека, который прислушивается к чему-то далёкому. Он прошёл мимо будки — пёс Буян, который лаял даже на кошек, забился вглубь и не издал ни звука. Открыл калитку. Вышел на улицу.

И повернул к балке. К кургану.

Матвей схватил куртку, натянул сапоги на босу ногу и выскочил следом.

* * *

Он догнал брата у балки.

— Стёп!

Стёпа не обернулся. Шёл дальше. Ровно, спокойно, как заведённый.

Матвей забежал вперёд и встал у него на пути. Посмотрел в лицо.

Глаза у Стёпы были открыты. Но он не видел. Взгляд шёл сквозь Матвея, дальше, туда, где за балкой темнел горб кургана. Зрачки — огромные, во всю радужку. Губы шевелились. Беззвучно, быстро, будто он с кем-то разговаривал.

— Стёпа. Стёпа, проснись.

Стёпа обошёл его. Как обходят столб. И пошёл дальше.

Матвей вспомнил, что лунатиков нельзя будить резко. Бабушка говорила — испугается, сердце встанет. Он пошёл рядом. Шаг в шаг. Держась так близко, чтобы успеть подхватить.

Они перешли балку по льду ручья. Начали подниматься по склону.

На середине склона Матвей разобрал, что шепчет брат.

— …нет. Нет. Я сказал — нет. Не приведу. Не приведу. Не проси…

Матвея продрало морозом сильнее, чем от ветра.

— …он мой брат. Он мой брат. Не приведу…

Стёпа дошёл до вершины. Остановился у расколотой плиты. Над провалом, где начинались каменные ступени вниз. Там была темнота — густая, плотная, как дёготь.

И Стёпа опустился на колени. И начал копать.

Голыми руками. По мёрзлой земле у края плиты. Ногти скребли по камню, по льду. Пальцы сразу же разбились в кровь. А он копал. Быстро, яростно, как пёс, который учуял кость.

— Стёпа! — Матвей упал рядом, схватил его за руки. — Стёпа, хватит! Стёпа!

Стёпа вырвался. Легко. Так, будто у Матвея, чемпиона края, не было никакой силы. И продолжил копать.

И тогда Матвей сделал то единственное, что пришло в голову.

Он обхватил брата сзади, прижал к себе и сказал ему в ухо. Громко, отчётливо:

— Бабка, прячь пирожки — волк пришёл!

Стёпа замер.

Руки остановились. Плечи дрогнули. Он медленно, как сквозь воду, повернул голову.

Зрачки сузились. Взгляд стал живым. Растерянным.

— Матюш? — хрипло сказал он. — Ты чего… Где мы?

Он посмотрел вокруг. На снег. На плиту. На провал. На свои руки — разбитые в кровь, чёрные от земли.

И побелел.

* * *

Домой они вернулись перед рассветом.

Матвей отогревал брату ноги в тазу с тёплой водой, на кухне, при свете одной лампочки над печкой. Стёпа сидел, закутанный в бабушкину шаль, и молча смотрел на свои руки. Матвей промыл их, обработал зелёнкой, перевязал. Бинта ушло полрулона.

— Ты говорил во сне, — сказал Матвей. Тихо, чтобы не разбудить мать. — «Не приведу». «Он мой брат».

Стёпа не поднимал глаз.

— Кого не приведёшь, Стёп? Меня?

Долгое молчание. Капала вода из рукомойника.

— Я не помню, — сказал Стёпа.

— Ты опять врёшь.

Стёпа поднял голову. Посмотрел на брата. И Матвей увидел в его глазах страх. Настоящий, животный, детский. Такого страха он не видел у брата никогда. Ни перед волком, ни перед ведьмой, ни перед мертвецами.

— Матюш, — сказал Стёпа. — Я тебя прошу. Не спрашивай. Пока не спрашивай. Я сам скажу. Когда смогу. Ладно?

Матвей смотрел на него долго.

Потом кивнул.

— Ладно. Но тогда с этого дня ты спишь в моей комнате. На раскладушке. И я дверь на ночь запираю. А ключ — под подушку.

Стёпа слабо усмехнулся.

— Как в детстве.

— Как в детстве. Только теперь я тебя сторожу. А не ты меня.

* * *

Утром бабушка нашла у порога комья мёрзлой земли. Курганной, чёрной. Целую дорожку — от двери до раскладушки в Матвеевой комнате.

Она ничего не сказала. Подмела. Вынесла на улицу и высыпала далеко за калиткой, за дорогой. Потом вернулась, достала из шкафа старый пучок сушёной полыни и повесила над дверью.

И долго стояла у окна, глядя на курган.

А за печкой Кузьмич второй день не пил молоко.

Глава 5. Остап

Сторож пришёл сам. На третий день, в сумерках.

Он не постучал. Просто оказался во дворе — у колодца, опираясь на палку, как будто стоял там всегда. Буян в будке заскулил и затих.

Матвей увидел его из окна кухни. Отложил ложку.

— Стёп. Он здесь.

Стёпа вышел на крыльцо первым. Матвей — за ним.

Сторож смотрел на них снизу, от колодца. В сумерках его лицо казалось вырезанным из старого дерева.

— Обещал поговорить, — сказал он. — Пойдёмте. Не здесь. Мать услышит.

* * *

Они пришли в его хату у балки.

Внутри было так же, как запомнил Матвей. Пустая комната. Пыль. И фотографии — от пола до потолка. Сто лет Курганной на стенах. И в центре — рисунок углём на старой доске: двое казаков у кургана. «Остап и Данила. 1793. Нас было двое».

Сторож зажёг свечу. Поставил на подоконник. Сел на единственную в комнате лавку. Братьям сесть было некуда, они остались стоять.

— Спрашивайте, — сказал он.

Матвей шагнул вперёд.

— Вы Остап. Головатый. Наш предок.

— Прапрапра… — Сторож махнул рукой. — Много «пра». Сбился со счёту лет сто назад. Да. Остап.

— Вы основали Курганную.

— Мы. — Он кивнул на рисунок. — Я и брат. Пришли сюда с Черноморским войском. Нам дали землю у кургана. Никто брать не хотел — дурное место, говорили. Ногайцы обходили его стороной, черкесы обходили. А мы смеялись. Молодые были. Дураки.

— Что такое курган? — спросил Матвей. — Что там, внизу?

Сторож долго молчал. Свеча потрескивала.

— Врата, — сказал он наконец. — Курган насыпали не люди. Его насыпали над дырой. Над трещиной в мире. Кто — не знаю. Давно. До ногайцев, до скифов, до всех. Из этой трещины лезет то, что вы видели. Волки, ведьмы, утопленницы, мертвецы. Всё, что голодно и ненавидит живых.

— А застава? — спросил Стёпа. Он стоял у стены, скрестив руки, и смотрел на Сторожа исподлобья.

— Застава — это те, кто держит. Двое. Всегда двое. Кровная связь — она сильнее любой печати. Пока двое братьев стоят на кургане вместе — врата закрыты. Молния — это знак. Курган выбирает.

— Он выбрал вас с братом, — сказал Матвей.

— В девяносто третьем. В первую же грозу. — Сторож посмотрел на рисунок. — Нам было почти как вам. Мне двадцать три, Даниле восемнадцать. Я — первый по мячу, мячником меня звали. Мяч кожаный у меня был, у пленного турка выменял. А Данила — кулачник. Первый на всю линию. Его в Екатеринодар звали на кулачные бои, он не ехал. Говорил — от брата не уйду.

Матвей вздрогнул. Посмотрел на Стёпу. Тот смотрел на рисунок.

— Двенадцать лет мы держали заставу, — сказал Сторож. — Двенадцать лет — вместе. А потом…

Он замолчал.

— А потом? — спросил Матвей.

Сторож не ответил. Поднялся. Подошёл к окну и встал спиной к ним.

— Потом Данилы не стало, — сказал он глухо. — А я запечатал врата. И остался.

— Как не стало? — Матвей шагнул к нему. — Как он погиб?

— Не сегодня.

— Вы его убили, — сказал Стёпа.

Тихо. Ровно. Сторож не обернулся. Но плечи у него окаменели.

— Вы его убили, — повторил Стёпа. Голос стал громче. — Как Матюша меня. Тем же условием. «Кровь воина. Жизнь одного из двоих». Вы через это прошли. Вы знали, чем это кончится. И всё равно поставили это условие нам.

— Стёп, — сказал Матвей.

Но брат его не слышал.

Он оттолкнулся от стены и пошёл на Сторожа. Медленно, тяжело. Лицо у него было белым, губы сжаты в нитку.

— Вы смотрели, — сказал он. — Полтора месяца. Как он… как мама… Вы надели моё лицо. Вы сидели за моим столом. Вы бабушку мою обнимали моими руками.

— Стёпа, хватит.

— Двести лет. — Голос Стёпы сорвался на хрип. — Двести лет ты сидишь здесь, старый хрыч. Тебе не надоело? Ты своего брата загубил — и тебе мало? Тебе надо было ещё и нас?!

Он замахнулся.

Матвей не успел. Никто бы не успел. Удар был быстрым, страшным, в затылок старику, со всей силы.

Кулак остановился в сантиметре от седых волос.

Не сам. Сторож поднял руку — не оборачиваясь, не глядя — и перехватил запястье Стёпы. Легко. Как ловят муху.

И медленно обернулся.

Он смотрел Стёпе в глаза. Долго. Пристально. Так, как смотрят в мутную воду, пытаясь разглядеть дно.

И Матвей увидел, как лицо Сторожа изменилось. Оно стало серым. Будто из него разом ушла вся кровь, которой и так было немного.

— Отпусти, — прохрипел Стёпа.

Сторож отпустил.

Стёпа отшатнулся. Посмотрел на свой кулак, как на чужой. Его трясло.

— Я… — Он сглотнул. — Я не хотел. Я не знаю, что на меня… Простите. Я не хотел.

— Знаю, — тихо сказал Сторож. — Знаю, хлопче.

Он смотрел на Стёпу, и в его глазах было то, чего Матвей никогда в них не видел.

Страх.

— Идите домой, — сказал Сторож. — Оба. Сейчас.

* * *

Стёпа вышел первым. Быстро, не оглядываясь, почти бегом.

Матвей задержался у двери.

— Что вы увидели? — спросил он. — В его глазах. Что?

Сторож стоял у рисунка углём. Смотрел на младшего из двух казаков — на того, что стоял в боевой стойке и смеялся.

— Того, кого не видел двести лет, — сказал он.

И задул свечу.

Глава 6. Скаут

В понедельник в школьном спортзале пахло хлоркой, резиной и детским потом. Двенадцать «Казаков» выстроились в шеренгу, как на параде. Никто не опоздал. Сашко Ковалёв пришёл за час и ждал на крыльце.

Стёпа стоял перед ними с перебинтованными руками, со свистком на шее. Похудевший, бледный. Но свой.

— Ну, — сказал он. — Что, разжирели без меня?

— Нет! — заорали «Казаки».

— Сейчас проверим. Пять кругов. Бегом марш!

Они побежали. А Стёпа стоял посреди зала и смотрел на них, и Матвей, сидевший на скамейке у стены, видел, как у брата дрожат губы.

* * *

Ванька появился в середине тренировки.

Влетел в зал, раскрасневшийся, в расстёгнутой куртке, и чуть не сбил с ног Костика.

— Степан Андреич! — выдохнул он. — Он приехал! Скаут! Прямо сейчас! Звонил — стоит у клуба, спрашивает, где поле!

Стёпа обернулся.

— Ты же говорил — после Нового года.

— А он раньше! Сказал — был в Краснодаре по делам, решил заехать! Степан Андреич, что делать? Поле в снегу! Я не готов! Я не размялся! Я…

Стёпа взял его за плечи. Крепко. Посмотрел в глаза.

— Перепёлка. Дыши.

Ванька задышал. Часто, как собака на жаре.

— Медленнее.

Ванька задышал медленнее.

— Поле нам не нужно, — сказал Стёпа. — Есть зал. Есть мяч. Есть ты. Всё. Иди переодевайся. Матюш, звони пацанам из взрослой, пусть подтягиваются — нужна двусторонка. «Казаки» — на трибуну, будете болеть. Громко.

* * *

Скаут оказался невысоким, сухим мужиком лет пятидесяти, в дорогой куртке и потёртых кроссовках. Назвался Виктором Семёновичем. Сел на скамейку рядом с Матвеем, достал блокнот и больше ничего не говорил.

Двусторонку собрали за двадцать минут. Ребята из взрослой команды, кто был в станице. Петрович — старый тренер — встал на ворота, кряхтя и ругаясь на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.